

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора к русскому изданию	7
Предисловие	13

Часть I. Реинтеграция

Введение. Последствия войны	20
Глава 1. Эпопея возвращения	56
Глава 2. Добро пожаловать в нормальную жизнь	88
Глава 3. Возвращение «на гражданку»	115

Часть II. Победители и жертвы

Глава 4. «Отличная профессия»	162
Глава 5. Пожизненно «меченые»	203
Глава 6. «Слава победителям!»	253

Часть III. Советское ветеранское движение

Глава 7. Борьба за организацию	294
Глава 8. «Сообщество заслуживающих»	348
Послесловие	406
Список таблиц и диаграмм	419
Библиография	420
Хронология	445
Глоссарий	449
Предметно-именной указатель	453

*Посвящается памяти
Герберта Эделе (1936–2007)*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга была задумана, материалы для нее исследованы, а сама она написана на том отрезке моей жизни, когда я более всего был занят Россией. Первый раз я приехал в новую Российскую Федерацию в 1994 году — на несколько месяцев, для изучения русского языка; позже, в 1995–1996 годах, я снова оставался здесь на длительные периоды времени. После перерыва в несколько лет — за это время я успел основательно подучить русскую историю и язык, сначала в Германии, а потом в США, — уже в 2000 году, я вернулся в Россию в качестве докторанта (аспиранта), и на этот раз посвятил свое время работе в архивах. С 2001-го по 2002-й я провел в стране целый год. То было время, проведенное почти полностью под шуршание старых бумаг и на фоне книжных полок: по будням я штудировал архивные документы, а в выходные сидел в библиотеках. Венцом этих усилий стала диссертация, защищенная в Чикагском университете в 2004 году. Чуть позже, в том же самом году, я перебрался в Австралию, где принял пост преподавателя в Университете Западной Австралии. В 2006-м я вновь оказался в России: для работы над книгой на основе диссертации потребовались дополнительные материалы и документы. Сама рукопись будущей книги родилась под солнечным небом города Перта — воистину удивительного места для осмысления русского прошлого. Книга увидела свет в 2008 году в издательстве Оксфордского университета.

«Советские ветераны Второй мировой войны» — моя первая книга. Сначала архивные штудии, а позже и работа над текстом выковали из студента-историка профессионального ученого. Во многом это перерождение произошло

в России и состоялось на русском языке. Ведь я так никогда и не смог избавиться от своего отчетливо русского акцента, думая о многоязычии прошлого. Россия почти всегда со мной, в моих думах — пусть даже после выхода этой работы и рождения моей дочери годом позже фокус моих исследований изменился. Сперва я сосредоточился на архивах в США и Германии — сколь легче работается молодому отцу, если в обеих странах живет по бабушке! Позже я прильнул к репозитариям трех «балтийских сестер» и Украины — и вновь, гражданину Европейского союза так легче работается, ибо не надо пещься о визах, приглашениях и выкраивать из расписания целые недели. Так, мало-помалу, из историка России я превратился в историка многонационального Советского Союза. Но ко времени выхода этой книги мне еще лишь предстояло пройти этот путь.

В конце девяностых и начале нулевых, когда я только начал накапливать материал для своей работы, мало кто из исследователей работал над социальной историей послевоенного СССР. Да, Елена Зубкова написала замечательную книгу, сосредоточившись на послевоенном советском обществе. Но этот труд был лишь первым «подходом к снаряду» и не раскрывал всей глубины темы. За время моих собственных попыток нащупать пульс послевоенной советской жизни и понять ее, занявших следующие десять лет, были напечатаны и другие книги и статьи по теме. Сегодня же по моему сюжету существует вал литературы: это целые библиотеки на русском, немецком, английском, посвященные разным аспектам советского общества и его культуры после 1945 года. Вышло так, что моя книга была лишь частью нового веяния, оформлявшегося в научном мире, той волны, что была незаметна для меня, запершегося в архивах и кропотливо пытавшегося докопаться до смысла первоисточников. В то же время именно эта волна несла мою работу вперед через общение с коллегами и чтение их трудов.

Приступая к написанию этой книги, я считал себя социальным историком — вполне старомодный выбор в англоязычной академии тех лет, находившейся в плену разнообразных форм культурной истории. Впрочем, и это положение вещей оказалось лишь временным: чем больше коллег приходили к осознанию того, что надо заниматься вопросами общественных институтов, структур и сюжетами «простой советской жизни», тем более и более социальная история приобретала вес. И я тоже был участником этого процесса, в те годы совершенно не ведая об этом.

Восстанавливая историю ветеранов-красноармейцев после войны, я все сильнее ощущал, как течение мысли уносит меня в воды истории права, а со временем и в сферу политической истории. В этом смысле книга сделалась красугольным камнем в деле воспитания меня как историка, коим я стал в будущем — ученого, который интересуется многочисленными особенностями зарождения и трансформации разнообразных форм социального и политического. И поныне весь объем моей научной деятельности, творимой и преподносимой на английском (с немецким акцентом), продолжает нести на себе печать русского прошлого.

Кем я точно не являюсь, так это военным историком, пусть меня иногда и принимают за такового: до сих пор помню свое удивление, узнав, что мою диссертацию внесли в компендиум «диссертаций по военной истории». Нет-нет, эта книга — история не войны, а лишь тех, кто на ней был и кто ее пережил. Это история жизни после конфликта. Сам я человек сугубо гражданский: ненавижу войну во всех ее проявлениях и предпочел бы жить в мире, где она не демонстрирует человечеству свой уродливый лик. Конечно, все эти оговорки не значат, что я не уважаю солдат и офицеров, которые сражаются за правое дело; напротив, иногда я даже восхищаюсь ими.

Рабоче-крестьянская Красная армия в годы Второй мировой войны зачастую сражалась доблестно. И дело защиты

своих домов, родных очагов и «отеческих гробов», своих женщин и детей от кровавого нашествия нацистских орд без сомнения было правым. Однако советский опыт Второй мировой явно выходил за обозначенные черно-белые пределы всенародной, отечественной по своему характеру войны. Не все считали Польский поход 1939 года правым делом. Трудно утверждать, что РККА хорошо сражалась в пронизанные холодом месяцы Советско-финляндской войны 1939–1940 годов. Сместившись на временной линейке Второй мировой, мы видим, что многие в странах Балтии, на Украине, да и в целом в Восточной Европе горячо приветствовали освобождение от нацистской оккупации. Но эти же люди проявили куда меньший энтузиазм относительно установленных в их странах режимов. В итоге освобождение для этих людей слилось с началом еще одной несвободы.

Не могу утверждать, что я с предельной четкостью понимал хоть что-то из вышесказанного в те годы, когда писал эту книгу. Как бы то ни было, тогдашний я бился над тем, чтобы изыскать способ объективно и не противореча духу истины соединить все эти события в одном общем и широком объяснительном пространстве, в новой истории Советского Союза в годы Второй мировой войны. Все остальное придет позже, вылившись в книгу, вышедшую в 2021 году, «Сталинизм на войне»¹, в которой я подхожу к истории сталинизма, пересекая национальные границы и сплавляя истории стран-участниц воедино; эта новая работа основана не только на российских архивах, но и на документах из украинских, балтийских, немецких и американских хранилищ, в которых я трудился начиная с 2008 года, то есть с момента выхода настоящей работы.

Книга, которую вы держите в руках, в этом плане контрастирует с моими последующими трудами: здесь «Вторая

¹ *Edele M. Stalinism at War: The Soviet Union in World War II. London etc.: Bloomsbury Academic, 2021. — 272 p. — Примеч. ред.*

мировая» есть лишь одно из имен Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. И это тоже в каком-то смысле своеобразная дань тому влиянию, которое было оказано на написавшего ее молодого историка чтением русской литературы, освоением русской культуры, изучением русской историографии. Одним словом, эта книга — самая «русская» из тех, что я написал, нравится это кому-то или нет.

То, до какой степени настоящая работа — о *русской*, а не о *советской* истории, легко проследить по тому пути, которому следует мой рассказ. Бесспорно, периодически на ее страницах мелькают нерусские имена и нерусские сюжеты, но все же по большей части повествование имеет отношение к постсоветской России и той истории, что стала для нее идеологическим фундаментом. Что стало с ветеранами, оказавшимися в четырнадцать независимых государствах после распада СССР, остается за кадром. Не стоит удивляться такому «русоцентризму»: все же я учился на историка-руссиста, все мое чтение было на русском, а исследуемые архивы находились в России. Мое знакомство с некоторыми из упомянутых постсоветских стран, в особенности с Украиной и тремя балтийскими республиками, состоялось позже, когда эта книга уже вышла в свет. Оглядываясь на прожитое из последних дней 2022 года, указанный «русоцентризм» может быть как самой заметной слабостью работы, так и, для российского читателя, самой ценной ее частью: ведь по сути, несмотря на название, книга повествует не о «советских ветеранах Второй мировой войны», а о «русских ветеранах Великой Отечественной».

Как показано в этой книге, с затиханием грома последних боев войны не заканчиваются. Мир не наступает вдруг и внезапно. Последствия войны саднят целые десятилетия. О не вернувшихся с фронта сыне, муже, брате или отце до конца своих дней скорбят те, кто теперь обречен жить без них. Пропахшие порохом и гарью ветераны на ощупь ищут

свой путь обратно в мирную жизнь, «на гражданку», учась заново жить с тяжелой ношей памяти о годах, полных крови и смерти. Целые общественные слои, группы и институты беспощадно перепахиваются войной, оставляющей глубокие борозды в виде смертей как уже пришедших в этот мир, так и тех, кто никогда не родится на свет, потому что павшие не заводят семей. Крошатся здания, покалеченные в годы войны, подобно людям, живущим в них. Изнашивается поддерживающая социум материальная культура, ведь ее столь стремительно пожирало пламя войны и истачивала экономика, с головокружительной скоростью перелицованная на военный манер. Наконец, вокруг всей этой немеркнувшей муки, словно вокруг негасимого очага, возводятся целые культуры, пытающиеся понять, как же весь этот военный кошмар вошел в нашу жизнь и что делать с ним теперь, когда наступили мирные дни. Складывается особая память: цель ее в том, чтобы хоть как-то примириться с утратой, болью, ужасом и жестокостью, которые были пережиты как отдельными людьми, так и целыми группами, — ведь все это надо нести дальше. Часть из указанных феноменов представлена в этой книге, использующей годы Великой Отечественной как показательный пример. Впрочем, некоторые из описанных историй, к сожалению, остаются релевантными и для прочих войн, которым суждено тоже когда-то закончиться.

*Марк Эделе
Мельбурн, Австралия, декабрь 2022 года*